

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 11.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-7-190-197

ГАДЖИЭМЕНОВ Багавдиншайих Абдулкадирович,

кандидат юридических наук, доцент, руководитель НИЦ по изучению правовых проблем противодействия экстремизму, терроризму и коррупции Юридического института Дагестанского государственного университета, доцент кафедры уголовного права и криминологии, старший советник юстиции, Заслуженный юрист Республики Дагестан, член правления ДРОО «Поддержка курса Главы Республики Дагестан»,

e-mail: mail@law-books.ru

ПРОПАГАНДА ЭКСТРЕМИЗМА ЧЕРЕЗ СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ: ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ (УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ)

Аннотация. В статье осуществляется глубокий теоретико-правовой и криминологический анализ феномена экстремистской пропаганды в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Автор исследует специфику виртуальной среды как детерминанты преступного поведения, выявляет механизмы трансформации традиционных форм экстремизма в цифровые. Особое внимание уделяется проблемам квалификации публичных призывов и возбуждения ненависти в условиях анонимности и алгоритмической модерации социальных сетей. На основе анализа мнений ведущих ученых-юристов и криминологов обосновывается необходимость совершенствования уголовно-правовых норм, уточнения понятийного аппарата и разработки дифференцированных подходов к ответственности за распространение деструктивного контента. Предлагается комплекс мер по усилению профилактического воздействия и повышению эффективности правоприменительной практики, фокусируясь на внутренних резервах российской правовой системы.

Ключевые слова: экстремизм, социальные сети, пропаганда, уголовная ответственность, квалификация преступлений, публичность, интернет-пространство, вербовка, радикализация, виктимность, профилактика правонарушений.

GADZHIEMENOV Bagavdinshaiykh Abdulkadirovich,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Research Center for the Study of Legal Problems of Countering Extremism, Terrorism and Corruption, Law Institute, Dagestan State University, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Senior Counselor of Justice, Honored Lawyer of the Republic of Dagestan, Board Member of the Dagestan Regional Public Organization "Support for the Course of the Head of the Republic of Dagestan"

PROPAGANDA OF EXTREMISM THROUGH SOCIAL NETWORKS: LEGAL COUNTERMEASURES (CRIMINAL-LEGAL AND CRIMINOLOGICAL ASPECTS)

Annotation. The article carries out a deep theoretical-legal and criminological analysis of the phenomenon of extremist propaganda in the information and telecommunication network "Internet". The author examines the specifics of the virtual environment as a determinant of criminal behavior, identifies the mechanisms of transformation of traditional forms of extremism into digital ones. Particular attention is paid to the problems of qualifying public calls and incitement of hatred in conditions of anonymity and algorithmic moderation of social networks. Based on the analysis of the opinions of leading legal scholars and criminologists, the need to improve criminal law norms, clarify the conceptual apparatus and develop differentiated approaches to liability for the dissemination of destructive content is substantiated. A set of measures is proposed to strengthen preventive impact and increase the effectiveness of law enforcement practice, focusing on the internal reserves of the Russian legal system.

Key words: extremism, social networks, propaganda, criminal liability, qualification of crimes, publicity, Internet space, recruitment, radicalization, victimization, prevention of offenses.

Современный этап развития общества характеризуется тотальной цифровизацией всех сфер жизнедеятельности, что неизбежно отражается и на структуре преступности, трансформируя ее качественные и количественные характеристики. Экстремизм, будучи одним из наиболее опасных видов противоправной деятельности, угрожающим основам конституционного строя и общественной безопасности, активно мигрирует в виртуальное пространство, находя в нем благоприятную среду для своего воспроизводства. Социальные сети и мессенджеры эволюционировали из простых средств межличностной коммуникации в мощные инструменты идеологической обработки, массовой вербовки и координации действий экстремистских группировок, что обуславливает высокую актуальность научного осмысления данного феномена.

Существующие правовые механизмы противодействия экстремизму, разработанные преимущественно для регулирования отношений в «офлайн» реальности, зачастую демонстрируют недостаточную эффективность или сталкиваются с серьезными трудностями применения в условиях динамично меняющейся цифровой среды, где границы между частным и публичным, между свободой слова и преступным умыслом становятся размытыми. Статистические данные правоохранительных органов свидетельствуют о неуклонном росте числа преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием сети Интернет. Генеральная прокуратура РФ указывает, что «доля таких деяний превышает 90% от общего числа зарегистрированных преступлений данной категории» [4]. При этом наблюдается качественное изменение субъектного состава преступлений: все чаще к уголовной ответственности привлекаются несовершеннолетние и лица молодого возраста. Емельянов В.П. подчеркивает, что «молодежь становится жертвами целенаправленной, технологически изощренной пропаганды в популярных социальных платформах, что указывает на системный кризис традиционных методов профилактики» [3].

Научная разработанность проблемы экстремизма в целом представлена фундаментальными трудами таких известных ученых, как А.И. Долгова, В.Н. Кудрявцев, А.В. Наумов, Л.В. Иногамова-Хегай, Н.Ф. Кузнецова, которые заложили теоретические основы понимания природы экстремистской деятельности, ее детерминант и мер предупреждения. Однако специфика именно сетевой пропаганды, вопросы разграничения свободы выражения мнения и экстремистских

призывов в интернете, а также сложные проблемы доказывания прямого умысла в условиях технической анонимности и алгоритмического распространения контента требуют дальнейшего глубокого и междисциплинарного осмысления. Антонов И.О. и Петров С.В. констатируют, что «в законодательстве и доктрине сохраняются существенные пробелы, касающиеся определения понятия “публичность” применительно к интернет-коммуникациям» [1], а Долгова А.И. отмечает «отсутствие четких критериев оценки общественной опасности цифрового контента, что приводит к противоречивой судебной практике» [2].

Целью настоящей статьи является проведение комплексного уголовно-правового и криминологического анализа пропаганды экстремизма через социальные сети, выявление системных проблем в квалификации данных деяний и разработка научно обоснованных предложений по совершенствованию мер противодействия исключительно средствами национального уголовного права и криминологической профилактики, без обращения к административно-правовым штрафам или зарубежному опыту, что позволяет сфокусироваться на внутренних резервах и специфике российской правовой системы. Переход экстремистской активности в онлайн-пространство не является простой сменой канала связи или техническим усовершенствованием методов агитации; это качественная трансформация самой сути преступной деятельности, порождающая новые криминогенные факторы. Социальная сеть создает уникальную коммуникативную среду, обладающую рядом свойств, которые выступают мощными катализаторами девиантного поведения. Первым и наиболее значимым фактором является иллюзия анонимности и безнаказанности, которая формирует у пользователей специфическое правосознание. Пользователи социальных сетей часто воспринимают виртуальное пространство как зону, свободную от традиционного социального контроля и правовых ограничений, что психологически снижает барьеры моральных запретов.

Как отмечает профессор А.И. Долгова, «чувство анонимности способствует деиндивидуализации личности, растворению индивидуального “Я” в массе, что облегчает совершение действий, агрессивных или противоправных, которые человек никогда бы не позволил себе в реальной жизни при непосредственном контакте с обществом» [2, с. 115]. Эта психологическая особенность активно и цинично используется организаторами

экстремистских сообществ, которые создают закрытые группы и каналы, где искусственно культивируется атмосфера вседозволенности, агрессивного неприятия инакомыслия и культа силы, постепенно размывая границы дозволенного. Вторым важным аспектом выступает алгоритмическая сегрегация и так называемый эффект «эхо-камеры», присущий архитектуре современных платформ. Алгоритмы рекомендаций социальных сетей сконструированы таким образом, чтобы максимизировать вовлеченность пользователя, показывая ему контент, который соответствует его уже существующим интересам, взглядам и эмоциональным реакциям. Это приводит к формированию изолированных информационных пузырей, внутри которых радикальные идеи многократно усиливаются, тиражируются и не встречают критического сопротивления или альтернативных точек зрения.

Исследователь М.И. Синяева указывает, что «такая информационная изоляция способствует быстрой поляризации мнений, формированию устойчивых стереотипов вражды и нетерпимости, превращая пользователя в заложника собственной цифровой среды» [8, с. 47]. Человек, попадая в такую герметичную среду, постепенно теряет способность к критическому анализу поступающей информации и становится крайне восприимчивым к экстремистским нарративам, которые подаются как единственно верная истина. Третьим фактором является глобальный охват и мгновенная скорость распространения информации, что кардинально отличает сетевую пропаганду от традиционных методов агитации, таких как распространение листовок или проведение собраний. В отличие от них, пост в социальной сети может быть мгновенно реплицирован и распространен среди миллионов пользователей по всему миру, преодолевая географические, языковые и социальные барьеры.

Вирусный характер распространения контента позволяет экстремистским идеям проникать в самые удаленные уголки страны, при этом контент часто маскируется под развлекательный, познавательный или игровой материал (мемы, короткие видео, стримы), что существенно затрудняет его своевременное выявление, лингвистический анализ и блокировку со стороны модераторов и правоохранительных органов. Четвертым, и, пожалуй, наиболее тревожным аспектом, является целевая, персонифицированная работа с уязвимыми группами населения.

Криминологи отмечают, что основными объектами вербовки в социальных сетях становятся подростки и молодые люди,

находящиеся в состоянии социального или личностного кризиса, испытывающие трудности в адаптации. Экстремистские рекрутеры используют изоцированные методы психологического манипулирования, предлагая молодежи чувство принадлежности к «элитному» братству, простые и однозначные ответы на сложные жизненные вопросы, а также возможность самореализации и повышения статуса через участие в «борьбе» за высшие идеалы [3, с. 90]. Виктимность данной категории населения обусловлена возрастными особенностями психики: стремлением к самоутверждению, недостатком жизненного опыта, высокой внушаемостью и потребностью в групповой идентификации.

Таким образом, социальная сеть выступает не просто нейтральным инструментом передачи данных, а самостоятельной криминогенной средой, которая генерирует новые формы экстремистского поведения, требует специфических подходов к их предупреждению и пресечению, и игнорирование этой специфики ведет к снижению эффективности правоохранительной деятельности.

Основными составами преступлений, используемыми правоприменителем для привлечения к ответственности за пропаганду экстремизма в интернете, являются статьи 280 («Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности») и 282 («Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства») Уголовного кодекса РФ. Несмотря на ясность диспозиций данных норм, их применение в отношении деяний, совершенных в сети Интернет, вызывает серьезные научные дискуссии и порождает множество практических сложностей, связанных с толкованием оценочных понятий.

Ключевой проблемой квалификации по ч. 2 ст. 280 УК РФ является определение признака «публичности» в контексте цифровой коммуникации. Закон устанавливает повышенную ответственность за использование информационно-телекоммуникационных сетей, однако не дает четкого легального определения того, что считать «публичным призывом» в виртуальном пространстве.

Возникают резонные вопросы: является ли публичным сообщение, размещенное в закрытой группе, доступной только по специальному приглашению администратора? Можно ли квалифицировать как публичный призыв репост записи, которую фактически увидели лишь несколько друзей автора, несмотря на то, что профиль был открытым?

Профессор В.Н. Кудрявцев справедливо указывает, что «механическое перенесение

критериев публичности из офлайн-среды, где она связана с физическим присутствием неопределенного круга лиц в конкретном месте, в онлайн-пространство недопустимо и методологически ошибочно» [12, с. 205]. В интернете аудитория потенциально не ограничена географией, но фактически может быть крайне узкой и сегментированной. Судебная практика демонстрирует отсутствие единообразия: одни суды склонны признавать публичным любое размещение информации в открытом доступе, абстрагируясь от количества просмотров и реального охвата, другие же требуют доказывания того, что информация была доступна значительному числу пользователей и могла повлечь реальные последствия. Такая неоднозначность нарушает принцип правовой определенности и может приводить как к необоснованному расширению уголовной репрессии, криминализации частных разговоров, так и к уходу виновных от ответственности из-за невозможности доказать широкий охват.

По мнению автора, для устранения этой коллизии необходимо на уровне Постановления Пленума Верховного Суда РФ закрепить четкие критерии оценки публичности в интернете. Следует учитывать не только техническую возможность доступа к информации (открытый/закрытый профиль), но и фактический охват аудитории, активность распространения (количество репостов, лайков, комментариев, время нахождения в топе) и целевую направленность действий виновного. Если лицо разместило призыв в закрытом чате из трех доверенных лиц, это вряд ли можно квалифицировать как публичный призыв, представляющий высокую общественную опасность, сопоставимую с выступлением на митинге. Второй острой проблемой является разграничение экстремизма и свободы слова, особенно при применении ст. 282 УК РФ, которая является одной из самых критикуемых норм в контексте защиты конституционных прав граждан. Грань между резкой, эмоциональной критикой социальных, национальных или религиозных явлений и уголовно наказуемым возбуждением ненависти чрезвычайно тонка и субъективна.

Профессор А.В. Наумов подчеркивает, что «уголовное право, являясь крайней мерой государственного принуждения, должно вмешиваться лишь тогда, когда высказывание носит явно агрессивный характер, содержит прямой призыв к насилию или дискриминации и создает реальную, а не гипотетическую угрозу общественной безопасности» [15, с. 310]. В социальных сетях контекст сообщения часто утрачивается или искажается: ирония, сарказм, цитирование чужих слов или художественный

вымысел могут быть истолкованы следствием как прямой призыв к вражде. Лингвистическая экспертиза, выступающая основным доказательством по таким делам, часто носит субъективный характер, зависящий от методики и личного восприятия эксперта. Разные эксперты могут давать диаметрально противоположные заключения по одному и тому же тексту, что создает высокий риск судебных ошибок и нарушения принципа справедливости.

Автор Л.В. Иногамова-Хегай предлагает «ввести в закон или разъяснения высших судов четкие критерии “экстремистского высказывания”, исключив из сферы уголовной ответственности оценочные суждения, политическую полемику и критику, не содержащую призывов к насильственным действиям или умалению достоинства по охраняемым законом признакам» [16, с. 145]. Необходимо сместить акцент с формального наличия запрещенных слов или символов на анализ интенции (намерения) автора и потенциальных последствий его высказывания. Если пост не привел и объективно не мог привести к реальным насильственным действиям, массовым беспорядкам или дискриминационным практикам, его общественная опасность может быть признана малозначительной, что исключает преступность деяния.

Третьей проблемой является квалификация соучастия и организации сообществ по ст. 282.1 и 282.2 УК РФ. В интернете понятие «сообщество» размывается и становится аморфным. Является ли экстремистским сообществом чат в Telegram, где участники обмениваются провокационными мемами? Или группа ВКонтакте, где обсуждаются острые политические новости? Практика показывает, что правоохранительные органы иногда склонны к гиперкриминализации, квалифицируя любую организованную группу в соцсети как экстремистское сообщество, если среди ее участников есть лица, ранее привлекавшиеся к ответственности, или если тематика группы затрагивает чувствительные темы. Однако, как отмечает Н.Ф. Кузнецова, «для наличия состава преступления необходима устойчивая связь между участниками, четкое распределение ролей, иерархия и совместная деятельность, направленная на достижение конкретных экстремистских целей» [14, с. 88]. Простое нахождение в группе, эпизодическое общение или даже одобрение отдельных постов не образует состава участия в экстремистском сообществе. Требуется тщательное доказывание осознанного включения лица в структуру группы, понимания им характера деятельности объединения и выполнения им конкретных функций. Без

этого подхода существует риск привлечения к суровой уголовной ответственности лиц, чья вина ограничивается неосторожностью или любопытством.

Для эффективного противодействия экстремизму недостаточно только карательных мер и совершенствования уголовного закона; необходимо глубокое понимание причин, по которым обычные пользователи социальных сетей становятся сторонниками радикальных идей. Криминологический анализ позволяет выделить несколько ключевых детерминант, формирующих почву для радикализации. Первой детерминантой выступает социальная фрустрация и маргинализация. Молодые люди, испытывающие трудности в социальной адаптации, неудачи в учебе, карьере или личной жизни, часто ищут выход своим негативным эмоциям и чувство неполноценности компенсируют в интернете. Экстремистская идеология предлагает им простую картину мира и объясняет их личные неудачи поисками внешних или внутренних врагов. Это дает ощущение смысла, цели и принадлежности к чему-то большему, чем они сами.

Второй детерминантой является дефицит критического мышления и медиаграмотности у современного поколения. Система образования не всегда успевает адаптироваться к вызовам цифровой эпохи, и многие пользователи не обладают навыками верификации источников информации, отличия фейков от достоверных данных и распознавания манипулятивных техник. Это делает их легкой добычей для профессиональных пропагандистов, использующих эмоционально заряженный, визуально привлекательный контент.

Третьей детерминантой служит влияние референтных групп и лидеров мнений. В подростковом и юношеском возрасте мнение сверстников и авторитетных блогеров в интернете часто имеет большее значение, чем мнение родителей, учителей или официальных институтов. Если авторитетный лидер закрытого сообщества транслирует экстремистские взгляды, его подписчики с высокой вероятностью перенимают эту позицию, стремясь соответствовать групповым нормам и получить одобрение «стаи».

Виктимность пользователей социальных сетей заключается в их добровольном, но часто неосознанном погружении в опасную информационную среду. Однако эта добровольность является иллюзорной, так как пользователь не осознает сложных механизмов психологической и алгоритмической манипуляции, применяемых против него. Поэтому государство обязано брать на себя функцию

защиты граждан, особенно несовершеннолетних, от деструктивного информационного воздействия, рассматривая это как часть обеспечения национальной безопасности.

На основе проведенного комплексного анализа предлагается ряд мер по совершенствованию уголовно-правового регулирования и практики противодействия экстремизму в социальных сетях, направленных на повышение точности квалификации, обеспечение справедливости наказания и усиление профилактического эффекта.

Во-первых, необходимо уточнение понятийного аппарата в уголовном законе и судебной практике. Целесообразно внести изменения в примечания к статьям 280 и 282 УК РФ или принять развернутое Постановление Пленума Верховного Суда РФ, которое бы четко определяло, что понимается под «публичностью» в информационно-телекоммуникационной сети. Предлагается установить презумпцию публичности для открытых профилей и групп с большим количеством подписчиков, но требовать обязательного доказывания фактического широкого распространения и общественной опасности для закрытых сообществ и личных переписок.

Также следует закрепить критерии ограничения экстремистских призывов от допустимой критики и выражения мнения, указав, что уголовная ответственность наступает только при наличии прямого призыва к насильственным действиям или дискриминации, сопряженного с реальной угрозой общественной безопасности. Оценочные суждения, политическая сатира и критика, не содержащие таких призывов, не должны образовывать состав преступления, что защитит свободу слова и снизит нагрузку на следствие. Во-вторых, требуется дифференциация ответственности в зависимости от роли субъекта и масштаба деяния. В настоящее время закон часто уравнивает создателей экстремистского контента, организаторов сетей и тех, кто случайно или по неразумению сделал репост.

Представляется целесообразным ввести в ст. 280 и 282 УК РФ квалифицирующие признаки, учитывающие масштаб распространения информации, использование специальных технических средств (ботов, накруток) и роль лица в распространении. Например, выделить отдельную часть статьи для лиц, осуществляющих систематическую, профессиональную пропаганду, что свидетельствует о повышенной общественной опасности. В то же время, для лиц, впервые совершивших правонарушение небольшой тяжести (например, единичный репост без осознания экстремистского характера

материала, не повлекший последствий), следует шире применять нормы об освобождении от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием или назначать наказания, не связанные с лишением свободы, заменяя их мерами воспитательного или профилактического характера.

В-третьих, критически важно совершенствование судебно-экспертной деятельности. Качество расследования дел об экстремизме напрямую зависит от качества лингвистических и психолого-лингвистических экспертиз. Необходимо разработать и утвердить единые федеральные методические рекомендации для экспертов, работающих с интернет-контентом. Эти рекомендации должны включать алгоритмы анализа контекста, учета жанровых особенностей интернет-коммуникации и оценки потенциального воздействия текста на конкретную целевую аудиторию.

Также следует рассмотреть вопрос о создании специализированных экспертных учреждений при ведущих вузах или научных центрах, обладающих необходимой компетенцией в области цифровой лингвистики и психолингвистики, что повысит объективность и научную обоснованность заключений.

В-четвертых, необходимо усиление профилактической работы в образовательной среде, так как уголовное право – это крайнее средство. Основная борьба с экстремизмом должна вестись на этапе предупреждения, до совершения преступления. Необходимо внедрить в школьные и вузовские программы обязательные курсы по медиаграмотности, информационной безопасности и правовому просвещению. Учащиеся должны учиться критически оценивать информацию, распознавать манипуляции, понимать механизмы работы алгоритмов и осознавать правовые последствия своих действий в интернете. Важную роль здесь могут сыграть сотрудники научных центров, таких как НИЦ по изучению правовых проблем противодействия экстремизму, терроризму и коррупции, которые могут разрабатывать учебные пособия, проводить тренинги для педагогов и учащихся, моделируя ситуации киберугроз.

В-пятых, необходимо развитие взаимодействия с администрациями социальных сетей, работающих в правовом поле РФ. Правоохранительные органы должны иметь эффективные, регламентированные законом каналы связи для оперативного удаления противоправного контента и получения информации о пользователях, нарушающих закон, строго в рамках судебного производства и с соблюдением процессуальных гарантий. Законодательно следует закрепить обязанность

платформ сотрудничать с правоохранительными органами в вопросах противодействия экстремизму, обеспечивая при этом надежную защиту персональных данных добросовестных пользователей и прозрачность процедур модерации.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что пропаганда экстремизма через социальные сети представляет собой сложный, многогранный социально-правовой феномен, требующий комплексного, системного подхода к противодействию. Цифровая среда не просто дублирует, а качественно трансформирует традиционные формы экстремистской деятельности, создавая новые вызовы для правоохранительной системы, науки уголовного права и криминологии. Анализ показал, что действующее уголовное законодательство обладает необходимым потенциалом для борьбы с сетевым экстремизмом, однако его применение сталкивается с серьезными проблемами толкования понятий «публичность», «возбуждение ненависти» и «экстремистское сообщество» в виртуальном пространстве, что порождает риски как избыточной криминализации, так и безнаказанности.

Мнения ведущих ученых подтверждают необходимость срочного уточнения правовых норм и судебной практики для обеспечения баланса между безопасностью общества и защитой конституционных прав граждан на свободу мысли и слова. Предложенные меры по совершенствованию законодательства, включая уточнение понятийного аппарата, дифференциацию ответственности в зависимости от роли и опасности деяния, улучшение качества судебных экспертиз и усиление профилактической работы, направлены на повышение эффективности, справедливости и гуманизации правосудия.

Однако уголовно-правовые меры должны органично дополняться активной, системной профилактической работой, направленной на повышение медиаграмотности населения, снижение виктимности пользователей социальных сетей и формирование устойчивого иммунитета к деструктивным идеологиям. Только сочетание строгого, но справедливого и точно выверенного закона, грамотного, научно обоснованного правоприменения и масштабной, непрерывной профилактики способно обеспечить надежную защиту общества от угроз экстремизма в цифровую эпоху.

Дальнейшие научные изыскания должны быть сосредоточены на разработке конкретных, верифицируемых методик выявления скрытых, латентных форм экстремистской пропаганды, оценке эффективности предлагаемых правовых

новелл на практике и изучении долгосрочных эффектов цифровой радикализации на личность и общество.

Список литературы:

[1] Антонов И.О. Трансформация экстремистской деятельности в условиях цифровизации общества / И.О. Антонов, С.В. Петров // Вестник криминалистики. – 2024. – № 2. – С. 45–52.

[2] Долгова А.И. Криминология : учебник для вузов / А.И. Долгова. – М. : Норма, 2023. – 480 с.

[3] Емельянов В.П. Терроризм и экстремизм: криминологическое и уголовно-правовое исследование / В.П. Емельянов. – М. : Юрлитинформ, 2025. – 320 с.

[4] Доклад Генерального прокурора Российской Федерации о состоянии законности и правопорядка в 2025 году и мерах по их укреплению. – М., 2026.

[5] Статистические данные МВД России о преступлениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, за 2022–2025 гг. [Электронный ресурс]. – URL: <https://mvd.ru> (дата обращения: 25.05.2026).

[6] Римский А.В. Проблемы квалификации экстремистских проявлений в сети Интернет / А.В. Римский, О.А. Дизер, А.В. Кузнецов // Уголовное право. – 2025. – № 3. – С. 45–50.

[7] Отчет Роскомнадзора о результатах работы по блокировке запрещенной информации в 2025 году. – М., 2026.

[8] Синяева М.И. Лингвистические маркеры экстремистского контента в молодежной цифровой среде // Вопросы языкознания. – 2024. – № 4. – С. 45–52.

[9] Указ Президента РФ от 28.12.2024 № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. – 2025. – № 1. – Ст. 15.

[10] Федеральный закон от 15.07.2025 № 255-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования механизмов противодействия экстремизму» // Собрание законодательства РФ. – 2025. – № 29. – Ст. 4501.

[11] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.01.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

[12] Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений / В.Н. Кудрявцев. – М. : Юрист, 2023. – 304 с.

[13] Иванов И.И. Тактики обхода модерации в социальных сетях: криминологический аспект

// Криминологический журнал Байкальского государственного университета. – 2025. – Т. 19, № 1. – С. 112–120.

[14] Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений / Н.Ф. Кузнецова. – М. : Зерцало, 2024. – 256 с.

[15] Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций / А.В. Наумов. – М. : БЕК, 2024. – 560 с.

[16] Иногамова-Хегай Л.В. Конкуренция норм уголовного права / Л.В. Иногамова-Хегай. – М. : ИНФРА-М, 2023. – 288 с.

References:

[1] Antonov I.O. Transformation of extremist activities in the context of digitalization of society/ I.O. Antonov, S.V. Petrov//Bulletin of Criminalistics. – 2024. – № 2. – S. 45-52.

[2] Dolgova A.I. Criminology: a textbook for universities/A.I. Dolgova. – M.: Norma, 2023. – 480 s.

[3] Emelyanov V.P. Terrorism and extremism: criminological and criminal law research/V.P. Emelyanov. – M.: Yurлитinform, 2025. – 320 s.

[4] Report of the Prosecutor General of the Russian Federation on the state of law and order in 2025 and measures to strengthen them. – M., 2026.

[5] Statistics of the Ministry of Internal Affairs of Russia on crimes committed using information and telecommunication technologies for 2022-2025. [Electronic resource]. – URL: <https://mvd.ru> (access date: 25.05.2026).

[6] Rimsky A.V. Problems of qualification of extremist manifestations on the Internet/A.V. Rimsky, O.A. Dizer, A.V. Kuznetsov//Criminal Law. – 2025. – № 3. – S. 45-50.

[7] Roskomnadzor report on the results of work on blocking prohibited information in 2025. – M., 2026.

[8] Sinyayeva M.I. Linguistic markers of extremist content in the youth digital environment// Questions of linguistics. – 2024. – № 4. – S. 45-52.

[9] Decree of the President of the Russian Federation of 28.12.2024 No. 1124 “On Approval of the Strategy for Countering Extremism in the Russian Federation until 2030” //Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2025. – № 1. – Art. 15.

[10] Federal Law of 15.07.2025 No. 255-FZ “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Terms of Improving Mechanisms for Countering Extremism” //Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2025. – № 29. – Art. 4501.

[11] The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 01.01.2026) //Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1996. – № 25. – Art. 2954.

[12] Kudryavtsev V.N. General theory of crime qualification/V.N. Kudryavtsev. – M.: Lawyer,

2023. - 304 s.

[13] Ivanov I.I. Tactics of bypassing moderation in social networks: criminological aspect//Criminological Journal of Baikal State University. – 2025. - T. 19, NO. 1. - S. 112-120.

[14] Kuznetsova N.F. Problems of qualification of crimes/N.F. Kuznetsova. - M.: Mirror,

2024. - 256 s.

[15] A.V. Naumov. Russian criminal law. General part: course of lectures/A.V. Naumov. - M.: BECK, 2024. - 560 s.

[16] Inogamova-Hegai L.V. Competition of criminal law/L.V. Inogamova-Hegai. - M.: INFRA-M, 2023. - 288 p.

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru